

ЦИТАТА В СЮЖЕТЕ РАССКАЗА И. А. БУНИНА «ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»

Л. Г. Сатарова, Н. В. Гречушкина

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 7 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье рассматривается идейно-смысловая роль цитат в развитии сюжета рассказа И. А. Бунина «Чистый понедельник», утверждается, что загадочный выбор героини помогает уяснить образы Платона Каратаева, Петра и Февронии, а также великопостная молитва святого Ефрема Сирина, которая определяет духовную доминанту повествования. В плане поставленной проблемы рассказ «Чистый понедельник» соотносится с дневником И. А. Бунина «Окаянные дни».

Ключевые слова: сюжет, цитата, И. А. Бунин, Л. Н. Толстой, святой Ефрем Сирин, обитель, покаяние, служение, целомудрие, милосердие.

Abstract: the article examines the ideological and semantic role of quotations in the development of the plot of I. A. Bunin's story "Clean Monday". It is argued that the mysterious choice of the heroine helps to understand the images of Platon Karataev, Peter and Fevronia, as well as the great prayer of St. Ephraim the Syrian, which determines the spiritual dominant of the story. In terms of the problem, the story "Clean Monday" correlates with the diary of I. A. Bunin "Cursed days".

Keywords: plot, quote, I. A. Bunin, L. N. Tolstoy, Saint Ephraim the Syrian, monastery, repentance, service, chastity, charity.

Общеизвестно, что в своем цикле «Темные аллеи», где все рассказы посвящены разрешению вопроса: «Кто же знает, что такое любовь», — И. А. Бунин широко использует цитирование из разных источников, которое создает музыкальную основу повествования. Само название цикла представляет собой цитату. По этой проблеме в буниноведении существует немало исследований. Однако смысл цитат, задающих тональность звучанию бунинской прозы, далеко не исчерпывается только стилистическим аспектом. Очень часто именно квинтэссенция содержания, идеи, художественной концепции рассказа раскрывается в том подборе цитат, которые участвуют в развитии сюжета. Действительно, невозможно дать целостный анализ самого рассказа «Темные аллеи», где ключевой, на наш взгляд, является фраза — цитата из библейской книги Иова, судьба которого соотносится с жизнью героя: « Все проходит, мой друг, — забормотал он. — Любовь, молодость — все, все. История пошлая, обыкновенная. С годами все проходит. Как это сказано в книге Иова? «Как о воде протекшей будешь вспоминать?» [1,7].

Судьба рассказчика-повествователя уподобляется пепелищу Иова, у которого все отнял Бог, но без его смирения, покаяния и той глубокой благодарности Творцу, которая неизменна и в радости, и в страдании. Герой не приносит плода покаяния, социальные барьеры оказываются выше метафизики любви, которая является основой бытия.

О забвении этой основы или сокровенном понимании ее написано большинство рассказов писателя. «Балладу» невозможно понять без цитируемой в ней Псалтыри, в рассказах «Руся», «Поздний час» звучат латинские изречения, в «Тане» — народная песня, «В Париже» — французские пословицы и поговорки, в «Генрихе» — «одна старинная книга». Стихи русских поэтов — представителей дворянской культуры — пронизывают весь цикл («Холодная осень» и многие другие).

В данной статье хотелось бы более детально остановиться на роли цитат в таком бесспорном шедевре цикла «Темные аллеи», как «Чистый понедельник». Особый колорит этого рассказа достигается развитием мотива загадочности, тайны, окутывающей поведение и окончательный выбор героини. Слова-доминанты «зачем-то», «почему-то» постепенно превращаются в рефрен, движущий и скрепляющий сюжет. Первая таинственная деталь интерьера, где живет «она», — портрет босого Л. Н. Толстого, который «зачем-то» висел над диваном. Оказывается, что это вовсе не случайная деталь, поскольку первая же цитата, исходящая из уст героини, это именно текст Л. Н. Толстого, фрагмент из «Войны и мира».

Герой восклицает:

«— Да, все-таки это не любовь, не любовь...

Она ровно отозвалась из темноты:

— Может быть. Кто же знает, что такое любовь?

— Я, я знаю! — воскликнул я. — И буду ждать, когда и вы узнаете, что такое любовь, счастье!

— Счастье, счастье... «Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь — надулось, а вытащишь — ничего нету».

— Это что?

— Это так Платон Каратаев говорил Пьеру.

Я махнул рукой:

— Ах, Бог с ней, с этой восточной мудростью!»

[1, 201]

На наш взгляд, этот фрагмент чрезвычайно важен для понимания авторской позиции и идеи в «Чистом понедельнике». И. А. Бунин боготворил Л. Н. Толстого-художника. Ему были близки те типы народных праведников и правдоискателей-интеллигентов, которыми так богата его проза. Если мы обратимся к контексту «Войны и мира», который окружает данную цитату, мы обнаружим смыслы, коррелирующие с духовными запросами главной героини «Чистого понедельника».

Платон Каратаев рассказывает Пьеру о том, как он попал в солдаты. Крестьяне в царской России жили совсем неплохо: «Вотчина у нас богатая, земли много, хорошо живут мужики, и наш дом, слава Тебе Богу!» [2, 51] Но лукавый искушает Платона: за воровство чужого леса его отдадут в солдаты. Показательно само отношение христиан к этой беде: «— думал горе, а радость! Брату бы идти, кабы не мой грех. А у брата меньшого сам-пят ребят,— а у меня, гляди, одна солдатка осталась» [2, 51].

Когда Платон вернулся домой, он увидел мир и благоденствие большой крестьянской семьи, которую он спас (по Божьей воле!) от разорения. Вся родня под иконами кланяется Платону, принесшему жертву за всех. И герой испытывает духовную радость несмотря на все тяготы солдатчины: «А мы всё судим: то нехорошо, то неладно» [2, 51]. Именно в этом контексте звучит вывод: «Наше счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь — надулось, а вытащишь — ничего нету» [2, 51].

Человеческие представления о счастье, земные, суетные и эгоистические, не совпадают с Божьим замыслом о человеке. И это дано почувствовать героине «Чистого понедельника», которая напряженно ищет ответа на вопрос: в чем ее призвание, в какой плоскости лежит ее предназначение. Ведь неслучайно герой упоминает еще одну характерную деталь: она не только прочитала те книги, которые он привозил, но и «все что-то думала, все как будто во что-то мысленно вникала» [1, 199].

В романе Л. Н. Толстого Пьер как герой-правдоискатель почувствовал глубокую христианскую идею, извлеченную из истории простого мужика. Земные радости и страдания только тогда имеют смысл и значение, когда они не замыкаются на самих себя, а соотносятся с вечностью: «не нашим умом, а Божьим судом». Пьер «чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе» [2, 52].

Герой «Чистого понедельника», к сожалению, предстает человеком эвдемонической культуры, для которого счастье — это исполнение желаний. Между ним и героиней постепенно возникает некая полоса отчуждения или непонимания, имеющая принципиальное значение. Ведь после цитаты из Л. Н. Толстого звучит реплика, говорящая о его равнодушии к внутреннему миру любимой девушки, он наслаждается, как язычник, ее внешней прелестью, яркостью, необычностью броской красоты: «Ах, Бог с ней, с этой восточной мудростью!» Возникает парадоксальная ситуация: восточная красота девушки («индийская, персидская»), имеет под собой и восточное (православное) обоснование, мудрость и целомудрие, которую герой даже не пытается понять или объяснить. Ему нужно обладание. А что дальше, после окончательной близости, когда уже нечего будет желать? Героиня понимает, что они все больше и больше расходятся духовно, хотя плотская страсть усиливается. Так возникает в рассказе тема ухода от мира, которая объясняет, почему портрет босого Л. Н. Толстого висел в комнате героини. Цитата и деталь интерьера сплетаются в одну идею, которая движет сюжет к развязке. Вектор ухода Л. Н. Толстого был монастырь, Оптиная пустынь. В конце жизни он еще раз ощутил призрачность того, что называется земными сокровищами. Его окружение во многом не дало ему возможность умереть воцерковленным христианином. И героиня, на наш взгляд, а вслед за ней и автор, стремятся избежать подобного финала.

Центральное место в плане цитирования занимают в рассказе начальные строки великопостной молитвы святого Ефрема Сирина: «Господи, Владыко живота моего...» В ней с потрясающей духовной глубиной представлена пропасть между горним и дольным миром, между небом и землей, между временным и вечным. Два типа самосознания, две культурологические традиции сталкиваются в конфликте, который может быть разрешен только через православное понимание пути спасения. В первом прощении говорится об отрицании тех «благ», которые так высоко ценятся в падшем мире: праздности, празднословия, уныния (саможаления) и любоначалия. Заметим, что проблема своеволия, которая приведет мир к Апокалипсису,— одна из самых трагических в человеческой истории.

Почему эти смыслы так напряженно вибрируют в рассказе И. А. Бунина? Очевидно, потому, что «он» и «она» пока существуют в горизонтальной плоскости бытия, они как будто созданы для бесконечного «праздника» жизни:

«Мы оба были богаты, здоровы, молоды и настолько хороши собой, что в ресторанах, на концертах нас провожали взглядами» [1, 199].

Праздная жизнь, праздные разговоры, уныние от неисполненного желания, стремление утвердить

свою волю как единственно возможную и правильную — вот приметы той среды, в которой вращаются герои. Но создан ли человек Творцом только для того, чтобы есть и пить? Как говорит героиня: «Не понимаю, как это не надоест людям всю жизнь, каждый день обедать и ужинать...» [1, 199].

Подробный разбор молитвы святого Ефрема Сирина необходим для понимания рассказа И. А. Бунина еще и потому, что само его название связано с началом Великого Поста — чистым понедельником. Это центральный образ произведения, который определяется вторым прошением молитвы: «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми рабу Твоему».

У некоторых критиков понятие «целомудрия», которое подразумевается в подтексте рассказа И. А. Бунина, вызывает либо недоумение, либо иронию. И это понятно: «падение» героини происходит именно в чистый понедельник. Однако зададимся вопросом: а разве страстные поцелуи и объятия до венчания — не нарушение целомудрия? Героиня И. А. Бунина еще даже не послушница, она только «мечтает» о монастыре, грезит им, она такая же грешница, как и подавляющее большинство людей. В этом эпизоде нам видится зерно замысла И. А. Бунина: он показывает не какую-то исключительную судьбу, его героиня, конечно же, не Феврония, но в ее душе мерцает огонек святости как жизненного идеала, поэтому духовную жажду в этом образе русской женщины отрицать невозможно. На наш взгляд, И. А. Бунину удалось передать самый «нерв» возможного перерождения души, когда все земные наслаждения не только изведаны, но и отринуты как суетные и потому мучительные.

Отсюда актуализируется и заключительная часть великопостной молитвы: «Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь. Боже, очисти мя, грешного» (12 раз).

Так определяется путь героини, ее смысл жизни: очищение страданием.

Некоторые исследователи, например М. М. Дунаев и его сторонники, упрекают героиню в эгоизме, в том, что она отказывается в браке нести тяготы семейной жизни. Это наблюдение проецируется и на другие рассказы. На наш взгляд, подобный подход упрощает художественную концепцию цикла «Темные аллеи». И в этом плане хотелось бы обратиться к следующей цитате из «Чистого понедельника». Накануне «ухода» героиня приоткрывает свой внутренний мир, свою душу герою:

«— Я русское летописное, русские сказания так люблю, что до тех пор перечитываю, что особенно нравится, пока наизусть не заучу! «Был в русской земле город, названием Муром, в нем же самодержествовал благоверный князь, именем Павел. И вселил к жене его диавол летучего змея на блуд. И сей змей являлся ей в естестве человеческого, зело прекрасном...»

— Я шутя сделал страшные глаза:

— Ой, какой ужас!

Она, не слушая, продолжала:

— Так испытывал ее Бог. «Когда же пришло время ее благодной кончины, умолили Бога сей князь и княгиня преставиться им в один день. И стоворились быть погребенными в едином гробу. И велели вытесать в едином камне два гробных ложа. И облеклись, такожде единовременно, в монашеское одеяние...»

И опять моя рассеянность сменилась удивлением и даже тревогой: что это с ней нынче?» [1, 205–206].

Брак Петра и Февронии считается идеалом в христианском супружестве. Однако героиня и, думается, это тоже неслучайно, цитирует летопись с ошибкой, что приводит иногда исследователей к недостаточно корректным выводам: ее пытаются отождествлять с Февронией. Но святая Феврония бесом в «зело прекрасном» облике не искушалась. Брат Павла Петр берет на себя ответственность расправы со змеем, искушающим его сноху. И когда он побеждает его, преисполняется гордыни. Чтобы смирить воина Христова, Господь посылает ему следующее испытание: кровь змея покрыла тело князя язвами, которые исцелить может только дева-простолюдника. Мудрая девица Феврония берется за врачевание с условием, что князь на ней женится. Князь вначале обманывает ее, но потом смиряется, и таким образом истинно православная супруга Петра исцеляет мужа не только телесно, но и духовно. Отсюда и финал их брачной жизни: иночество.

Героиня «Чистого понедельника» приоткрывает перед своим возлюбленным подобный путь жизни — жития как на земле, так и спасение в вечности. Но трагическое расхождение двух несовместимых типов культурного домостроительства: сотериологического и эвдемонического — достигает пика своего конфликта: герой не может подняться до духовного уровня любимого человека. Поэтому перед разрывом звучит еще раз цитата из «Повести»:

«— Конечно, красив. Качалов правду сказал... “Змей в естестве человеческом, зело прекрасном...”» [1, 207].

А. Н. Ужанков в статье «Древнерусская словесность в мировом контексте» подводит следующий итог анализа «Повести о житии святых Петра и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма: «Любовь Февронии к одержимому недугом князю — это жертвенная любовь, любовь к ближнему своему, ради его спасения. Это любовь, которая, по словам апостола Павла, долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, сорадуется истине, всего надеется, все переносит. Любовь, которая никогда не перестает! (1 Кор 13, 13)» [3, 67–68].

Героиня «Чистого понедельника» только вступает на путь обретения этой любви. Ни «он», ни «она» не готовы повторить подвиг Петра и Февронии.

Но как перспектива, данный путь для них не закрыт. В этом — оптимизм рассказа. В финале они вновь встречаются уже в Марфо-Мариинской обители, после чего герой как бы в задумчивости, «тихо» покидает монастырь.

Чтобы понять более основательно данную развязку, необходимо обратиться к исторической справке. Тема допетровской Руси — один из центральных мотивов повествования. Во время царствования последнего императора в стране культивировался истинно русский стиль, не поврежденный позднейшими западными веяниями. Это сказывалось прежде всего на стилистике новых возводимых храмов. Марфо-Мариинская обитель — удачный образец такого подражания стилю Древней Руси. В обители был особый устав: ее настоятельница, великая княгиня Елизавета Феодоровна предполагала возродить в монастыре древний институт диаконисс. В современной Православной церкви он утрачен, однако в древности, в первые века христианства, этот орден существовал, женщины в нем занимались катехизацией и благотворительностью. Эта идея в церковной среде была встречена неоднозначно, но Елизавета Феодоровна продолжала трудиться над составлением устава, обсуждая свой проект со старцами и духовными авторитетами. В результате был создан монастырь с сочетанием благотворительной и медицинской работы. В. В. Розанов определил его как «великое начинание в Москве». Сестры (крестовые) в этой обители не были монахинями в общепринятом смысле дореволюционной традиции. Они были безбрачны, потому что задачи обители требовали полной, абсолютной самоотдачи в служении ближним. Безбрачие не являлось каким-то пожизненным обетом, в «сестры» вступали на определенный срок: на год, три, шесть и далее. Это происходило без пострига.

Духовник обители протоиерей Митрофан Серебрянский так писал об этом в своем «Пояснительном слове...»: «Люди, решавшиеся всецело посвятить себя Богу, шли исстари двумя путями: монашеским и диаконским или диаконисским. Разница была в том, что монашество спасается и спасает более подвигом внутреннего преображения человека посредством молитвы, самоуглубления и созерцания. Оно этим подвигом так облагораживает человека, таким делает его чистым, что обновляет и других, которые, приходя к этой духовной сокровищнице, обильное черпают из нее необходимое себе руководство.

Диакониссы служили также Богу, но спасали ближних и души свои более деятельной любовью, трудом милосердия для бедного, падшего, темного и скорбного человека, однако непременно ради Христа, во Имя Его» [4, 123].

Героиня «Чистого понедельника» могла бы уйти в любой другой монастырь (Новодевичий, «глухой», вологодский, вятский), но она выбирает путь деятельной любви, путь, определенный древней, до-

петровской Русью, дух которой и возрождала Великая княгиня — будущая новомученица. Именно этот путь деятельного милосердия, служения ближнему был особенно дорог И. А. Бунину как альтернатива революции. Дух жертвенной любви как первооснова древнего христианства, давшего огромное количество мучеников за веру, заложивших семя исторической Церкви, воплощен в финале рассказа. Св. великомученица преп. княгиня Елизавета возглавляет крестный ход, символизирующий очередную Голгофу, на этот раз — русскую. Вслед за ней идет и героиня «Чистого понедельника», увидевшая свое призвание в искупительной жертве за грехи России.

Сюжет рассказа И. А. Бунина «держится» на еще одном очень важном стержневом моменте — самоцитировании. В этом плане дневник «Окаянные дни» может быть расценен не только как исторический документ, но и исповедь автора, имеющая ряд принципиальных переключек с «Чистым понедельником». Отметим некоторые из них.

В «Окаянных днях» и «Чистом понедельнике» присутствует тема Московского Кремля как национальной святыни. Героиня снимает квартиру с видом на Кремль, на Страстной седмице она посещала Чудов монастырь: «Ах, как было хорошо! Везде лужи, воздух уж мягкий, на душе как-то нежно, грустно и все время это чувство родины, ее старины...» [1, 205]. Это высказывание представляет собой скрытую цитату из «Окаянных дней». И. А. Бунин узнает, что большевики минируют Кремль, хотят взорвать его до прихода немцев. «Я как раз смотрел в это время на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... Великие князья, терема, Спас-на-Бору, Архангельский собор — до чего все родное, кровное и только теперь как следует почувствованное, понятное!» [5, 23]

Когда героиня рассказывает о погребении на старообрядческом кладбище, она произносит знаменательные слова: «красота и ужас». И это высказывание тоже является цитатой из дневника: «А в соборе венчали, пел женский хор. Вошел и, как всегда за последнее время, эта церковная красота, этот остров «старого» мира в море грязи, подлости и низости «нового» тронули необыкновенно» [5, 68].

Тема единства Кремля, Церкви и Русской истории формулируется И. А. Буниным в цитате из Ивана Аксакова: «Не прошла еще древняя Русь!» [5, 113]. Но ведь эта идея и является главным сюжетным стержнем «Чистого понедельника», где все симпатии автора отданы образу загадочной русской красавицы, делающей совершенно осознанно выбор крестоношения как единственно спасительного пути в призрачном мире земного существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х томах / И. А. Бунин. — М.: Правда, 1988. — Т. IV. — 558 с.

2. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12 томах / Л. Н. Толстой. — М.: Правда, 1984. — Т. VI. — 365 с.

3. Ужанков А. Н. Древнерусская словесность в мировом контексте / А. Н. Ужанков // Русская словесность в мировом культурно-историческом контексте. — М.: Индрик, 2017. — 487 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Гречушкина Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, доцент кафедры философии, социологии и теологии

E-mail: natgrech@yandex.ru

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

E-mail: natgrech@yandex.ru

4. Миллер Л. П. Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна / Л. П. Миллер. — М.: Столица, 1994. — 240 с.

5. Бунин И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин. — М.: Советский писатель, 1999. — 175 с.

Lipetsk State Pedagogical P. P. Semenov-Tyan-Shansky University

Grechushkina N. V., candidate of philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian language and literature, associate Professor of the Department of philosophy, sociology and theology

E-mail: natgrech@yandex.ru

Satarova L. G., doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and literature

E-mail: natgrech@yandex.ru